

ЗНАНИЕ И ВЛАСТЬ В «ТАЙНАЯ ТАЙНЫХ» ПСЕВДО-АРИСТОТЕЛЯ

Е. В. АЛЫМОВА

Санкт-Петербургский государственный университет
Русская христианская гуманитарная академия имени Ф.М. Достоевского
ealymova@yandex.ru

С. В. КАРАВАЕВА

Северо-западный государственный медицинский университет
имени И.И. Мечникова
Русская христианская гуманитарная академия имени Ф.М. Достоевского
ksv.karavaeva@gmail.com

ELENA ALYMOVA

Saint Petersburg State University
The Dostoevsky Russian Christian Academy for the Humanities

SVETLANA KARAVAEVA

North-Western State Medical University named after I. I. Mechnikov (Saint Petersburg)
The Dostoevsky Russian Christian Academy for the Humanities

KNOWLEDGE AND POWER IN "SECRETUM SECRETORUM" OF PSEUDO-ARISTOTLE

ABSTRACT: The article is dedicated to a text, which, being a translation, became influential in the Old Russian culture – "Secretum Secretorum", also known as "Aristotelian Gates". It is considered to be connected to the so-called Judaisers. But, so far as different sources make it evident, even a larger intellectual area including the circle of the Great Prince was under its influence. The treatise is composed as a series of precepts concerning the principles of ruling ascribed to Aristotle. The fundamental theme of the treatise is a "secret knowledge" considered necessary for a prince to exert his power as efficiently as possible. The article provides an interpretation of some key concepts, which elucidate the connection between power and knowledge.

KEYWORDS: Aristotle, Pseudo-Aristotle, "Secretum Secretorum", "Tajnaya Tajnyh", Knowledge, Power.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда 24-28-01107, Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского, The research is funded by Russian Science Foundation No. 24-28-01107, Russian Christian Academy for the Humanities, <https://rscf.ru/project/24-28-01107/>

«Тайная Тайных, или Врата Аристотелевы» – перевод на древнерусский язык одного из самых известных как на Западе (под названием *Secretum secretorum*), так и на Востоке трактатов, которые, как считалось, имели отношение к Аристотелю, более того – приписывались его авторству и вместе с тем – его авторитету. Рукописное наследие этого сочинения поражает своим объемом. Особенно, если принимать во внимание тот факт, что до XIII века Европа знала Аристотеля прежде всего как «отца» логики, автора «Категорий». Будучи переведенной практически на все европейские языки, «Тайная Тайных»¹ распространилась по Европе и по крайней мере до XVI века присутствовала при дворах – папских, императорских, королевских, среди знати и в университетах, в домах европейской буржуазии, и даже в XVI веке она продолжала вызывать интерес у некоторых гуманистов. Не обошла стороной его популярность и Русь. В частности, заимствование из памятника встречается в сочинениях Ивана Пересветова, «Первом послании Ивана Грозного Курбскому», высказывались предположения о влиянии ТТ на политические концепции князя А. М. Курбского, Ф.И. Карпова².

Secretum secretorum восходит к арабскому оригиналу VIII–IX вв. и представляет собой собрание наставлений по различным вопросам, относящимся к кругу философских, причем по большей части таких, которые вошли в орбиту философии во времена, очевидно, более поздние: кроме тем, затрагивающих этику и политику, медицину, физиогномику, в трактате существенное место занимают рассуждения об астрологии и алхимии, весьма распространенные в эпоху Средних веков и Ренессанса. Адресат «наставлений» – Александр Македонский. Ситуация очевидна: наставник – философ, мудрец, ученик – парадигмальный властитель³. Читатель – свидетель практики паресии.

Не стоит ожидать от этого текста представления собственно аристотелевской философии – хотя в первых главах трактата, действительно, можно найти некоторые заимствования из «Никомаховой этики», и, кроме того, арабское происхождение этого сочинения позволяет, хотя и гипотетически,

¹ Далее – ТТ.

² В силу своего происхождения и содержания трактат вызвал в Древней Руси неоднозначный отклик, причем имел как противников – сторонников «благословенной старины», видящих, в частности, в астрологии недопустимую для православия ересь, так и сторонников – тех, кто отстаивающую право разума быть рядом с верой. В итоге, трактат подвергся осуждению в актах Стоглавого собора и был занесен в список запрещенных книг (см. подробнее: Сперанский 1908, 121–130).

³ Ситуация некоторым образом напоминает ситуацию платоновского «Алкивиада I»: учитель-философ наставляет ученика-политика.

заключить, что его автор был знаком с философией Стагирита лучше, чем его читатели в Европе.

Текст *Secreta secretorum* изобилует отсылками к эллинистическим и римским аристотелевским псевдоэпиграфам, различным греческим и арабским источникам, испытавшим влияние неоплатонизма и, не в последнюю очередь, эллинистического герметизма, усвоенного и переосмысленного арабским миром.

Популярность трактата обусловлена рядом причин.

Во-первых, он относится к одному из самых популярных в Средние века жанрам назидательного толка – жанру *specula principum*⁴ («зеркала князей»), который представлял собой политические и моральные советы, адресованные правителю, чтобы тот мог увидеть себя, как в зеркале, причем, опознав себя действительного, сопоставить с собой таким, каким он должен быть: контуры этого образа очерчивались наставлениями мудреца. Считается, что *Secretum secretorum* – если и не первое по значимости в этом ряду сочинение этого жанра (конкуренцию ему составляло, возможно, только сочинение Aegidii Romani *De regimine principum*), то во всяком случае весьма влиятельное⁵.

Во-вторых, *Secretum secretorum* был популярен как научный текст, содержащий знание о «тайных» силах природы, к которому причастны могут быть лишь посвященные, особым образом подготовленные люди⁶. Обладание «тайным» знанием такого рода (в частности, алхимией) традиционно отличало мудреца времен средневековья⁷ и, особенно, Ренессанса. Ключевой момент – знание природы вещей, позволяющее воздействовать на нее.

⁴ В Средневековье существовали дидактические сочинения, адресованные правителям: некоторые из них имели названия *De regimine principum*, названия других содержали слово *speculum* (*Speculum regum*, *Speculum morale regium*, *Speculum regis*), в древнерусской традиции они были известны как «княжеские зеркала». См. подробнее: Bradley Ritamary 1954, 100–115, Williams 2022, Grabes 1982; Носцеле 1999, Буланин 2021.

⁵ См., например: Williams 2003; Williams 2022; Grignaschi 1996.

⁶ См. о «тайнах природы» в средневековой культуре: Eamon 1994; в древнерусской культуре XI–XVII вв.: Герасимова, Мильков, Симонов 2015.

⁷ Заметим, эзотерическое знание *Secretum secretorum* содержало и определенные проблемы, связанные с вопросом его принятия христианской Европой: каким образом оккультные знания, могли позволить без противоречия христианским догмам, получить легитимный доступ к тайнам божественного творения, достижению бессмертия, для монарха – получению абсолютной власти. Это представляется весьма

Именно эта часть *Secretum secretorum* и была той будоражащей тайной из тайн, делающая трактат столь популярным, возможно, даже более популярным, чем его принадлежность к жанру *specula principum*. Скажем, для Филиппа Трипольского, первого переводчика полной версии *Secretum secretorum* (около 1230 г.) на латынь, философское учение, относящееся к царству, было лишь частью, причем, не самой его важной частью: трактат был прежде всего хранилищем природных тайн⁸. Подобной точки зрения придерживался и другой известный издатель *Secretum secretorum* – Роджер Бэкон, для которого именно научное (иными словами, все, кроме относящегося к политической философии) содержание этого трактата имело значение, о чем свидетельствует ряд его работ, например, *Opus maius*, в которой он неоднократно цитирует *Secretum Secretorum* именно в этом, «естественнонаучном», ключе, кроме того, по словам Бэкона некоторыми мудрецами он именовался «Книгой Десяти Наук», «в которой величайшие тайны Природы, передаются под покровом» (26b 6) (Курсив наш. – Е.А., С.К.)⁹.

И наконец, помимо политического, научного, философского и религиозного содержания, популярность сочинению придавал и тот авторитет, которым, как уже было сказано выше, пользовались как его предполагаемый автор – Аристотель, архетипический мудрец, так и его адресат – Александр, архетипический правитель. Пожалуй, не было фигуры более знаменитой и авторитетной в политическом дискурсе того времени, чем Александр. Как отмечают многие ученые, ТТ имеет некоторые общие черты с романом «Об Александре», который был, без преувеличения, одним из самых читаемых текстов в Европе после Библии и пользовался той же популярностью¹⁰. Культ Александра имел повсеместное распространение: он поддерживался на официальном уровне в Египте, Сирии, Пергаме, Римской империи, причем его образ как идеального правителя, создателя Великого царства, подкреплялся и включением его в религиозный контекст (как, впрочем, и Аристотеля: он почитался как, хотя и языческий философ, мудрец, но в то же время и причастный «премудрости божественной»), что в итоге сделало его практически не отличимым от христианских правителей.

сомнительным для Средневековой Европы, где довольно трудно представить правителя, который будет править с помощью астрологии, магии и алхимии.

⁸ Williams 2022, 392.

⁹ “(...) in quo ultima secreta Nature sub velamine traduntur” (Bacon 1920, 25), см. об изд. *Secretum secretorum* Р. Бэконом: Williams 2022, 393, Williams 1994.

¹⁰ В древнерусской литературе известен как «Александрия». См. подробнее о культе Александра в Средневековье: Zuwiyya 2011, Grignaschi 1996, Cary 1956, Williams 2015, Буланин 2019, 45–51; Буланин 2021.

Итак, источником *Secretum secretorum* является, по общему признанию, арабский текст. Такой провенанс не мог не повлиять на содержание ТТ. В арабском оригинале, как впоследствии и в еврейском переводе, рассуждения о власти и политике носят подчеркнуто практический характер, характер наставления, поучения. Автора интересует практика власти – не ее природа, что, очевидно, объясняется фундаментальной аксиомой: основа власти – Бог, природа ее носит божественный характер, правитель *связан* с Богом¹¹. Обращает на себя внимание тот факт, что этические добродетели обсуждаются вне подчеркнуто религиозного контекста, что позволило автору интегрировать в свое сочинение греческое, а также персидское наследие в области этики и политики. Поддерживать власть в ее целостности и сохранности едва ли не труднее, чем завоевать или захватить ее, а это, в свою очередь, как следствие, влечет за собой необходимость владеть искусством управления, иначе говоря, царская власть должна быть основана на определенном знании¹².

Вследствие того, что этот трактат претерпел ряд редакций, не избежал интерполяций, а местами и очевидно компиляций (это особенно хорошо видно по многочисленным вариантам пролога к тексту¹³), то представляется целесообразным коснуться его перевода на русский язык.

В отличие от большей части европейских переводов, которые берут

¹¹ О связи между царской властью и религией, как нельзя лучше говорит, циркулировавший в Средние века во многих арабских *Secretum secretorum*, афоризм персидского царя Ардашира: «Религия и государство – два брата, ни один из которых не может обойтись без другого. Религия – основа государственной власти, а государственная власть – защитница религии; то, у чего нет основы, исчезает, равным образом погибает то, у чего нет защитника» (Ал-Масуди. Золотые россыпи V.162, пер. А.Н. Шмидта, Шмидт 1958, 473).

¹² См. подробнее о философских истоках формирования *Secretum secretorum* и дальнейшем влиянии этого сочинения на арабскую и европейскую мысль (политику, этику, философию, эзотерическое знание): Manzalaoui 1974; Burnett 1986; Forster 2006; Van Bladel 2009; Gaullier-Bougassas 2015, Abbès 2022.

¹³ Многие изменения и интерполяции текста предисловия зависели в первую очередь от целей переводчика/составителя текста: рассматривал ли он сочинение как дидактическое послание, или как политический трактат, или как научный текст. Также немаловажной причиной появления различных вариантов предисловий к *Secretum secretorum* была и необходимость утвердить его авторитетность, которую связывали с именами Аристотеля и Александра, отметим и еще одну проблему для издателей – попытку вписать его эзотерическое содержание в христианский контекст. См. подробнее о вариантах перевода предисловий к *Secretum secretorum* в разных изданиях, а также о различных изменениях и редакциях текста в целом: Williams 2003, Gaullier-Bougassas, Bridges, Tilliette 2015, Ryan 2019.

начало от полной редакции через посредство латинского перевода Филиппа Трипольского, древнерусский вариант (кон. XV – нач. XVI вв.) сделан с еврейской версии – сокращенного варианта арабского оригинала, которая, однако, содержала многочисленные интерполяции, ими она была обязана, в частности, Моисею Маймониду¹⁴. Современные исследователи ТТ Уильям Фрэнсис Райан и Моше Таубе реконструировали историю возникновения перевода *Secretum secretorum* на древнерусский язык¹⁵. Согласно их реконструкции, автором перевода с иврита мог быть еврей из Киева по имени Захария бен Аарон ха-Козн, известный в русских источниках как астролог и маг по имени Схария (Скария), который, по утверждению Иосифа Волоцкого, стоял у истоков так называемой ереси жидовствующих, или новгородско-московской ереси¹⁶. Уильям Райан и Моше Таубе выдвигают предположение, что Захария диктовал свой перевод устно неизвестному христианскому писцу, что объясняет некоторые интерполяции в текст и что соответствует общей схеме русских переводов еврейских научных текстов в тот же период для нееврейской аудитории.

В фокусе предлагаемого исследования находится не собственно история перевода *Secreta secretorum* на русский язык со всем комплексом проблем, связанных с текстологией этого сочинения, а его результат – текст под названием «Тайная Тайных» (или «Аристотелевы врата»), который приобрел достойную удивления популярность в России конца XV – начала XVI веков и вовлек в орбиту своего влияния людей, близких к великокняжескому двору. Если быть совсем точными, то вопрос, интересующий авторов статьи, может быть сформулирован так: каким предстает отношение знание-власть на страницах ТТ? Отправной точкой нам послужит пассаж, который будет процитирован ниже, начать, однако, хотелось бы с обзора содержания ТТ, необходимого, как нам кажется, для фиксации контекста в целом.

Итак, древнерусская версия сочинения состоит из *Предисловия* переводчика и восьми глав, а именно:

¹⁴ Следует отметить, что древнерусский текст ТТ содержит помимо ряда интересных интерполяций также и целые разделы, отсутствующие в других версиях сочинения, что делает его важным источником не только по истории отечественной интеллектуальной культуры, но и для реконструкции утраченного оригинала.

¹⁵ Ryan, Taube, 2019.

¹⁶ О дискуссиях вокруг вопроса принадлежности ТТ к ереси жидовствующих см.: Сперанский 1908, Лурье 1960, Ryan 1991, Ryan, Taube 2019.

1. Из чего состоит поведение царское;
2. Каким образом ему вести себя перед народом, чтобы возложили надежду свою на него, прославляя жизнь его;
3. Каким образом руководить ему благородными людьми;
4. Какими способами учить ему правителя государства своего, а с его помощью всех своих урядников;
5. Об отправляющихся в путь, о необходимых им вещах, и о послых его, и как они должны вести себя во время посольства;
6. Об управлении воинами и гетманами;
7. О деле военном знать, что в это время необходимо: и как расставлять полки, и как обороняться, и о времени, подходящем для этого, и о времени, подходящем для выступления, с кем биться и с кем не биться, и о науке физиогномике, и какую следует вести жизнь, чтобы сохранить здоровье;
8. О камнях, и зельях, и животных, которые необходимы царю и без которых он не достигнет ничего хорошего, не сохранит здоровья своего, и не усидит на троне своем. И эта глава последняя, как бы завершающая наставление для царя¹⁷.

Итак, обратимся к пассажи, отправному для нашего исследования. Им заканчивается первая глава:

Вѣдай, иже умъ — то есть *верхъ всякому смыслу* [Здесь и далее в цитатах из «Тайная Тайн» курсив наш. — Е.А., С.К.], им же спасется душа и изъяснится тайна, и отдалишь врагы житѣйския и духовныя, приближишь же любимых. Он же похвалимъ *корень и основание* твердости всемъ хотящимъ. А *начало ему приступати к размышлению*. [13] Приступивый же к нему посрединѣ — блаженъ есть, а в конецъ убо послѣдний — Богу супостатенъ есть. Сему бо *размышльние* питаниемъ есть. А *государство не обретается собою, но размышльниемъ*; а про то же [14] *верхъ властельства умова — размышльние*. А *государство ражаетъ любовь к размышльнию*. Да аще будут искати *размышльние* в концы послѣднем, родитъ ревнование, а ревность ражаетъ ложь, а ложь ражает невѣжество, оно же давание. А се же родит ненависть, а ненависть родитъ несправедливость, а то родит неволю, а неволя родит враждование, а се родитъ прю, а пря родит войну, а война преступит законъ и оскудит вселеную. А симъ премѣнитъ приращение, да родится оно злое же нѣтовство погибелию доброго, оно же естество, зане же зло, не идетъ с небеси толико по дѣйству нашему. [15] Да еще же переможет разумъ спирание, родится из него вѣрность, а се родит смѣрение, а из сего родится гроза, а

¹⁷ От внимательного взгляда не может ускользнуть жанровая и отчасти тематическая схожесть этого поучительного произведения с «Государем» Макиавелли. Детальное сопоставление заслуживает отдельного исследования.

из грозы справедливость, а се из сего съединачение, а се родить честь, а честь родит пристатие, а пристатие родит кладение живота подлѣ живота, а симь усильт царство и законъ, и наполняется съкровища истинны. *И се изъяснит ся — искати господства посредине блажено и благословено есть* (Буланин 1984, 542) (Курсив наш. – Е.А., С.К.).

В переводе Д.М. Буланина этот текст выглядит так:

Знай, что ум — *верх всякого понимания*, с его помощью спасется душа и познается тайна, и ты удалишь врагов мирских и духовных, а приблизишь заслуживающих любви. Ум — *корень похвальных вещей и твердое основание для всего желаемого. А начало его в стремлении к славе*. Тот, кто стремится к ней по-настоящему, — тот блажен, а кто в последнюю очередь, — тот Богу противен. Ибо слава трудами достигается. *К власти следует стремиться не ради нее самой, но ради славы*; и поэтому *вершина власти ума — слава*. И *власть рождает любовь к славе*. А если цари будут искать *славу* в последнюю очередь, то родится зависть, а зависть рождает ложь, а ложь рождает заблуждение, оно же клевету. А это породит ненависть, а ненависть породит несправедливость, а она породит насилие, а насилие породит вражду, а та породит распри, а распри породят войну, а война нарушит закон и опустошит вселенную. Так изменится природа, и родится злой хаос с гибелью всего доброго в результате поступков наших. Если же пересилит разум страсть к распри, то родится из него верность, а та породит покорность, а из нее родится боязнь, а из боязни справедливость, а вот из нее единство, а оно породит честь, а честь породит привязанность, а привязанность породит готовность отдать жизнь за других, а этим усиливается царство и закон, и приумножатся сокровища истинные. Так становится ясным, что *искать власти по-настоящему достойно похвалы и благословения* (*Тайная тайных*, 543; пер. Д.М. Буланина)¹⁸ (Курсив наш. – Е.А., С.К.)

Итак, ум провозглашается верхом всякого понимания, корнем и основанием, что не вызывает никакого удивления – удивительно другое: утверждение, согласно которому начало ума (его природа) – стремиться к славе. Представляется естественным следующий вывод: ум, поскольку он ум, должен стремиться к славе как к своему началу и (принимая во внимание апелляцию автора трактата к авторитету Аристотеля) – цели, что подтверждается, на наш взгляд, тезисом о славе как вершине власти ума и утверждением, что власть должна быть желанна не сама по себе, но «ради славы». Иными словами: достичь славы – цель власти, поскольку «вершина власти ума», его консуммация, – и есть «слава», к которой ум стремится как к своей природе. Тезис о

¹⁸ Здесь и далее ТТ цитируется в переводе Д.М. Буланина по: Буланин 1984.

власти как о том, что рождает любовь к славе, как будто бы замыкает круг: цель власти – слава, вершина ума – она же (слава), власть как любовь к славе – не что иное как любовь к уму, начало которого «в стремлении к славе», то есть в стремлении к себе самому. Наконец, вывод: «искать власти по-настоящему достойно похвалы и благословения».

В приведенной цитате из современного перевода особое внимание обращает на себя слово *слава*: именно оно, точнее – его смысл в рассматриваемом контексте, нуждается в прояснении. Посмотрим, какие варианты толкования возможны.

Итак, как видно из приведенных выше цитат, словом «слава» в современном русском переводе передано слово «размышлѣние», ожидаемое в контексте рассуждений об уме и власти. Возникает вопрос, на каком основании начало ума, «корня и основания», могло превратиться из *размышления* древнерусского перевода в *славу* современного?¹⁹ Переводчик, Д.М. Буланин, дает пояснения к своему переводу. В комментарии к этому месту читаем: «В следующем далее рассуждении слово “размышление” переводится словом

¹⁹ Следует внести важное уточнение: наше исследование посвящено проблеме соотношения власти и знания в контексте ТТ как она могла пониматься (по)читателями-современниками первого перевода этого трактата на русский (древнерусский) язык. В перспективе такой задачи следовало бы остановиться на бытовании текста перевода со времени его появления (конец XV – начало XVI в.) до угасания интереса к нему (рубеж XVII – XVIII вв.) в том виде, в котором он был известен. При этом нужно учитывать, что рукописная традиция передачи этого текста в силу своего состояния не может гарантировать точности воспроизведения оригинала. Автор современного перевода Д.М. Буланин замечает следующее: «Языковые данные свидетельствуют о том, что перевод “Тайной Тайных” осуществлен в Западной Руси. Переводчик, по-видимому, плохо владел языком, на который он переводил весьма сложное сочинение, поэтому в некоторых случаях текст безнадежно испорчен. Ближе всего к протографу перевода стоит список Вильнюсской публичной библиотеки, ОР, № 272 (222), по которому “Тайная Тайных” была опубликована: М. Сперанский. Из истории отреченных книг, IV. «Аристотелевы врата», или “Тайная Тайных”. СПб., 1908 (Памятники древней письменности и искусства, т. 171). Во всех остальных доступных нам списках перевод подвергся более или менее значительной русификации (характерно при этом, что одни и те же слова западнорусского происхождения переводятся в любом контексте одинаково — это свидетельствует о вторичности русифицированных списков)» (Буланин 1984, 751). Нам представляется необходимым учесть современный перевод как вариант толкования, которое может уточнить семантику ключевых понятий: Д.М. Буланин сопоставил доступные списки ТТ, а также внес ряд конъектур, сделанных им на основании сличения разных списков и привлечения текста на еврейском языке.

«слава» в соответствии с еврейской версией» (Буланин 1984, 753).

Речь идет о слове, образованном на базе древнееврейского (общесемитского) корня קבד (kbd). Со словоформами лексемы קבד (kbd) связаны следующие значения: «быть тяжелым», «иметь вес», «быть богатым», «отягощать», «обременять», причем еще и в смысле «отягощать жертвоприношениями», то есть «почитать»²⁰. Надо заметить, что эта же лексема является основой для слова «печень», что вполне понятно: печень, внутренности суть средоточие жизненных сил.

Вариантом, основанном на корне קבד (kbd), является и слово, которое в Септуагинте, как правило, передается словом $\delta\acute{o}\xi\alpha$ ²¹. Вот характерный пример: «– Распахнитесь во всю высь, врата! / Распахнитесь, древние двери! / Пусть Царь Славы войдет! / Кто этот Царь Славы? / Господь, могучий и сильный. / Господь, могучий воитель. / – Выше станьте, врата! / Распахнитесь, древние двери! / Пусть Царь Славы войдет! / Кто этот Царь Славы? / Господь Воинств – это Царь Славы» (Пс.23:7–10 РБО 2017)²². В тексте Септуагинты «Царю Славы» соответствует $\acute{o} \beta\alpha\sigma\iota\lambda\epsilon\upsilon\varsigma \tau\eta\varsigma \delta\acute{o}\xi\eta\varsigma$, в тексте оригинала мы обнаруживаем вариант корня קבד (kbd).

Вернемся к одному из значений лексемы קבד (kbd), а именно – «иметь вес», «быть богатым»: так Авраам был «очень богат (קבד) скотом, и серебром, и золотом» (Быт.13:2).

Богатство, как следует из наставлений ТТ, – один из обязательных *внешних* признаков власти. Два пути ведут к царственности. Вот какие слова вкладывает в уста Аристотеля автор *Secretum secretorum*: «Первый – внутренний, второй – внешний. Внешний же – богатство, которое помогает телу человеческому привязать душу к себе, также благодаря богатству подчиняется тебе (sc. Александру) народ, видя справедливость и милосердие по отношению к себе. Внутренний же – в том, чтобы расточать милости и почести каждому мудрому и благородному» (*Тайная тайных*, 539).

²⁰ Об этом подробнее см.: Dohmen, Stenmans 1995, Wilke 2010.

²¹ Реже встречается использование $\tau\iota\mu\acute{\eta}$ / $\tau\iota\mu\acute{\alpha}\omega$. По мнению исследователей, библейские свидетельства не позволяют провести четкое различие между контекстами использования $\delta\acute{o}\xi\alpha$ / $\delta\acute{o}\xi\acute{\alpha}\zeta\omega$ и $\tau\iota\mu\acute{\eta}$ / $\tau\iota\mu\acute{\alpha}\omega$.

²² В Синодальном переводе эти строки читаются так: «Поднимите, врата, верхи ваши, и поднимитесь, двери вечные, и войдет Царь славы! / Кто сей Царь славы? – Господь крепкий и сильный, Господь сильный в брани. / Поднимите, врата, верхи ваши, и поднимитесь, двери вечные, и войдет Царь славы! / Кто сей Царь славы? – Господь сил, Он – Царь славы!» (Нумерация следует традиции, восходящей к Септуагинте. Она сохранена и в цитируемых изданиях русскоязычного Ветхого Завета. Пс. 23: 7 – 10 соответствует Ps. 24: 7 – 10 в Biblia Hebraica Stuttgartensia).

Таким образом, богатство *обнаруживает* царственность, *показывает* ее. В этой связи становится понятно, почему авторы Септуагинты предпочитают переводить производные от корня kbd словом δόξα, и переводчик ТТ Д.М. Буланин предпочитает «размышлению» «славу»: греческий корень дох, лежащий в основе слова δόξα, глагола δοξέω²³, реализуется, в частности, в словах со значением «казаться», «быть видимым», откуда – «являться в блеске».

Слава Бога, Его блеск «изливается» по причине полноты (плеромы) Его природы как щедрость. Это существенное свойство божественной природы переносится автором *Secreta secretorum* и его славянским переводчиком на государя: щедрость оказывается важнейшим внешним/видимым его атрибутом, признаком полноты его существа и, как аналог полноты божественной, предполагает щедрость с его стороны. Видимо, именно по этой причине перечень царских добродетелей начинается со *щедрости*²⁴:

Александр, знай, что *скупой не может быть добрым человеком* и соблюдающим законы, так же как расточительный не может сохранить навсегда свою *честь*. Во всяком деле *середины* нужно *придерживаться*, обе крайности пагубны; и во всех царских делах следует соблюдать умеренность, а иначе царство не сможет процветать. Определить щедрость трудно, а скупость легко. *Щедрость истинная в том, чтобы давать вовремя необходимое, и достойному, и в меру возможностей*, иначе же щедрость переходит границы. Расточитель подобен тому, кто льет воду соленую в море или помогает врагу своему против себя самого. Щедрый тот, кто расторопен во всех делах своих, а не тот, который богатство царское теряет, раздавая его, не думая о будущем своем. *А скупость вообще слава недобрая, не достойная государя. Если знает это за собой царь какой-нибудь, лучше пусть поручит царство свое какому-нибудь слуге своему надежному*, а сам занимается венцом и престолом (*Тайная тайных*, 541) (Курсив наш. – Е.А., С.К.).

Однако щедрость в перспективе царской власти, хотя и роднящая последнюю с властью божественной как с образом полноты, должна иметь меру, чтобы не оказаться расточительностью. Важное замечание автора *Secreta se-*

²³ Не погружаясь в глубины этимологии, что было бы весьма полезно, поскольку позволило бы точнее описать семантику корня дох, мы сошлемся на P. Chantraine, Dictionnaire étymologique de la langue grecque (Chantraine 1968, 291): «Enfin dans la langue biblique (...) le mot signifie manifestation de la gloire et de la puissance de Dieu, splendeur, le terme fonctionnant come traduction de l'hébr. *kabod*» (Наконец, в библейском языке (...) это слово значит явление славы Бога, блеск, термин, используемый для перевода еврейского *kabod*). Кроме того, см. Sivonen 2018.

²⁴ В этике Аристотеля перечень добродетелей начинается с мужества.

cretorum, обратим на него внимание: «Щедрость истинная в том, чтобы давать вовремя необходимое, и достойному, и в меру возможностей, иначе же щедрость переходит границы». Таким образом знание меры предстает как еще одна добродетель правителя. Но возможно, именно этот смысл подразумевается переводчиком ТТ, когда он корень и основание ума видит в *размышлении*.

Нарушение меры может выражать себя не только в *излишестве* щедрости – несоблюдением меры может быть и *недостаток* щедрости, а именно скупость: «Скупой не может быть *добрым* человеком (...) не может сохранить навсегда свою *честь*». Скупость, как мы видим, есть «слава недобрая». Таким образом, в горизонте земной власти, власти царской, слава квалифицируется как добрая, так и недобрая (критерий доброй – соблюдение меры), «недобрая» же, следствие несоблюдения меры (например, от скупости), – недостаток, иными словами – *не слава*.

Итак, царь – «наместник Божий и правитель царства его» (Ibid., 557), «Божий дар народу, и пастырь их плоти, и их защита в миру» (Ibid., 553). Действия правителя должны свидетельствовать о присутствии Бога, и в этом смысле на правителе лежит ответственность как на инстанции-посреднике, через которую божественное присутствие обнаруживает себя. Быть посредником, обнаруживать «добрую славу» – все это требует от государя постоянного усилия, к чему, как кажется, и призывает автор *Secreta secretorum* и, соответственно, вслед за ним – «Тайная тайных». В этой связи роль «наместника Божия», «пастыря» предполагает коммуникацию с паствой, которая должна осуществляться через милосердие: «Будь внимателен и милостив (...) Будь милосерден, чтобы не потерять добрую славу свою» (Ibid., 547).

Итак, слава, щедрость, милосердие суть необходимые атрибуты правителя. Знаток античной философии, который помнит, что Наставником в *Secreta secretorum* и ТТ выступает Аристотель, непременно задастся вопросом о месте справедливости в обсуждаемом контексте. Ответ на этот вопрос не заставит себя ждать: «Царь и справедливость – братья, невозможно одному без другого» (Ibid., 557). Люди подчиняются царю, так как они по природе «холопы справедливости» (Ibid., 547). На основании справедливости царь своей властью создает порядок, гарантирует и удерживает его:

Справедливость – свойство, замечательнейшее из свойств Божьих. И кому из рабов своих Бог дал царство, и кого он поставил править людьми и деньгами их и всеми делами их, – тот для них как наместник Божий и правитель царства его; и поэтому будь подобен ему во всех делах своих духовных и мирских и будешь в них близок Богу. И если будешь милостиво относиться к людям, будешь в милости у

Бога и правителем царства его. Поэтому *будь подобен ему, который милостив и милосерден. А славы у него и имен больше, чем человек может перечислить* (Ibid., 557).

Интересный вариант представлен в древнерусской версии ТТ, где справедливость отождествляется с правдой:

(...) противостоит справедливости обман, а правде ложь; правдой держится справедливость, и суть их едина. Правдой утвердились небеса над землей, и по правде послал Бог пророков честных, и правда — это образа ума, который Бог дал возлюбленным своим; правдой утешаются те, кто в беде, и приближаются те, кто удалены, а от всякой лжи гибнут народы, правдой же защищаются цари от всякой измены, и она является прибежищем для них навеки (Ibid., 557).

Нельзя исключать, что такое отождествление, а затем и замена в дальнейшем рассуждении справедливости на правду, было введено русским переводчиком и связано с тем, что понятие справедливости не было самодостаточным — в большинстве случаев оно требовало либо пояснения, либо соотнесения его с другим близким понятием — понятием *правды*. С одной стороны, *правда* и *справедливость* в концептуальном мире человека XVI в. суть синонимы, с другой — *правда* несла большее смысловое бремя: она мыслилась как божественная истина, отношение к которой и есть то, что привычно связывается с *верой*²⁵.

Итак, власть правителя, начало которой, как полагается, — в Боге, свидетельствует собой о славе Бога и должна осуществлять себя как милосердие и справедливость. В основании справедливости — закон: «Всякий царь, который подчиняет царство свое истине закона своего, достоин царствовать; а тот, который подчиняет закон царству, убьет закон» (Ibid., 543) царь не должен пренебрегать «никаким словом закона» (Ibid., 545.). Закон в границах практического его бытования должен основываться не на произволе правителя — основание справедливого закона в Боге, а поэтому правителю необходимо соизмерять *свою* справедливость с божественной правдой — таковы, *на первый взгляд*, предписания автора *Secreta secretorum* и ТТ. Соизмерение с божественной правдой, очевидным образом, предполагает *знание* божественной правды. Круг, *как кажется*, замыкается: если «ум — верх всякого понимания», «корень (...) и основание», начало ума — «в стремлении к славе», которая есть не что иное, как «вершина власти ума», то правитель, то есть тот, кто, будучи преисполнен желания славы, иначе — власти, должен стремиться

²⁵ Юрганов, Данилевский 1989.

к пониманию («смыслу») как ее основанию, уподобляясь в этом стремлении Богу. «На первый взгляд» и «как кажется» отнюдь не случайны: стремление уподобиться Богу не следует понимать как сугубо духовный подвиг правителя, как движение направленное, так сказать, вверх – ТТ представляет собой свод таких наставлений, следуя которым правитель сам должен оказаться божественной инстанцией для своих подданных: щедрым и справедливым в своей славе, способным сохранять свою власть («Присмотришься к наставлению моему, чтобы достичь осуществления желаний своих», (Ibid., 535) «читай книгу эту очень много раз, чтобы понять ее» (Ibid., 559), «пойми поучение это и помышляй о том, как бы тебе уподобиться Творцу своему во всех делах своих» (Ibid.).

Сохранение власти требует искусства, основанного на правилах («В первую очередь говорю тебе и многократно учил тебя тому, что, если только ты будешь следовать правилам, ты достигнешь цели своей» (Ibid., 551)), основанного на знании, причем на знании тайном, что подчеркивается не раз (о чем, собственно, и свидетельствует само название трактата):

(...) мы указали на *тайны*, *приоткрыв печати, притчами*, чтобы осталась *недоступна книга* наша эта, оказавшись в руках недостойных, чтобы они *не узнали* того, чего им Бог не судил знать. А я бы тогда нарушил запрещение того, кто мне это открыл. Поэтому я и с тебя беру клятву, как и меня заставили поклясться в том, что я *сохраню секрет*. А кто, узнав *эту вещь тайную*, откроет ее недостойным, тот будет лишен этого света и будущего (Ibid., 537).

Весьма примечательно следующее замечание: «Даю тебе тайну эту, которая сначала *кажется* как будто *вымышленным* (*мысленным*) *наставлением*, а суть ее – *утверждение царское* (*исполнение царское*)» (Ibid., 539). Автор *Secreta secretorum* основывает авторитет своего текста, возводя его к «книге Аристотеля», чьи «наставления» он обнаружил в «храме Солнца», куда был допущен, превзойдя мудростью «мудрого фарисея» (Ibid., 537), но, видимо, подозревая, что такое обоснование авторитетности текста может и не быть убедительным, его автор в качестве ключевого аргумента приводит рациональный довод: даже если и кажется вымышленным, смысл этого вымысла – предложить *технику* сохранения власти.

Итак, подведем итоги. «Тайная тайных, или Врата Аристотелевы» – перевод популярного в Европе и на Руси сочинения, которое можно классифицировать как политический трактат, за которым – традиция, реконструкция которой едва ли может претендовать на получение окончательного аутентичного результата. Впрочем, в связи с отечественной политической

культурой конца XV – начала XVI вв. интерес представляет не столько традиция, сколько *сам текст* ТТ в том виде, в каком он был в распоряжении его (по)читателей. Сквозная тема трактата – власть и знание, причем знание тайное, мыслимое как прерогатива правителя, знание, которое достигается благодаря искусству, основанному на поучениях, в данном случае – автора трактата, и призвано гарантировать сохранение власти: *scientia potentia est*.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Буланин, Д.М., пер., ком. (1984) «Тайная Тайных», в: Л.А. Дмитриев, Д.С. Лихачев, *Памятники литературы Древней Руси. Вып. 6. Конец XV — первая половина XVI века* / Вступ. статья Д. С. Лихачева; Сост., общая ред. Л.А. Дмитриева и Д.С. Лихачева. М.: Худож. лит., 536–591.
- Буланин, Д.М. (1991) *Античные традиции в древнерусской литературе XI–XVI вв.* München: Verlag Otto Sagner (=Slavistische Beiträge. Bd 278)
- Буланин, Д.М. (2021) «Первые московские опыты в жанре «княжеского зеркала», *Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях* 3(15), 94–112.
- Герасимова И.А., Мильков В.В., Симонов Р.А. (2015) *Сокровенные знания Древней Руси*. М.: КНОРУС.
- Сперанский, М.Н. (1908) *Из истории отреченных книг. 1У. Аристотелевы врата или Тайная Тайных*. Памятники древней письменности и искусства. Вып. CLXXI. СПб.
- Лурье, Я.С. (1960) *Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI века*. М.; Л.
- Шмидт, А. Н. (1958) «Материалы по истории Средней Азии и Ирана», в: *Ученые записки Института востоковедения*. Т. XVI. М.-Л.
- Юрганов А.Л., Данилевский И.Н. (1998) ““Правда” и “вера” русского средневековья”, в: *Одиссей. Человек в истории: Культурная история социального*. М., 144–170.
- Abbès, M. (2022) “The Arabic Mirrors for Princes as Witnesses to the Evolution of Political Thought”, in N.-L. Perret, St. Péquignot (eds.) *A Critical Companion to the Mirrors for Princes' Literature*. (Reading Medieval Sources 7.) Leiden: Brill, 314–342.
- Bacon, R. (1920) *Secretum secretorum cum glossis et notulis* (R. Steele et al., eds.). Opera hactenus inedita Rogeri Baconi (Vol. 5). Clarendon Press. (Original work published 1905–1940).
- Burnett, C. (1986) “Arabic, Greek, and Latin Works on Astrological Magic Attributed to Aristotle”, in: Kraye, J.; Ryan, W., Schmitt, C. (eds.), *Pseudo-Aristotle in the Middle Ages: The Theology and Other Texts*. The Warburg Institute, London, 84–96.
- Cary, G. (1956) *The Medieval Alexander*, D. J. A. Ross (ed.), Cambridge.
- Dohmen, P., Stenmans G.J. (1995) “**תַּיְינָה**”, in G. J. Botterweck, H. Ringgren, H.-J. Fabry (eds.), D.E. Green (transl.) *Theological dictionary of the Old Testament*, Vol.7. Michigan, 13–22.
- Eamon, W. (1994) *Science and the Secrets of Nature. Books of Secrets in Medieval and Early Modern Culture*. Princeton.

- Forster, R. (2006) *Das Geheimnis der Geheimnisse: Die arabischen und deutschen Fassungen des pseudo-aristotelischen Sīr al-asrār / Secretum secretorum*. Harrassowitz.
- Gaullier-Bougassas, C. (2015) "Révélation hermétique et savoir occulte de l'Orient dans le Secretum secretorum et les Secrets des secrets français", in C. Gaullier-Bougassas, M. Bridges, J.-Y. Tilliette (eds.), *Trajectoires européennes du 'Secretum secretorum' du Pseudo-Aristote (XIIIe-XVIe siècle)* Turnhout, Brepols, 57–106.
- Gaullier-Bougassas, C., Bridges, M., Tilliette J.-Y., eds. (2015) *Trajectoires européennes du 'Secretum secretorum' du Pseudo-Aristote (XIIIe-XVIe siècle)* Turnhout, Brepols.
- Grignaschi, M. (1996) "Un roman épistolaire gréco-arabe: la correspondance entre Aristote et Alexandre", in M. Bridges and J.Ch. Bürgel (eds.) *The Problematics of Power: Eastern and Western representations of Alexander the Great*. Bern, 109–123.
- Grignaschi, M. (1982) Remarques sur la formation et l'interprétation du "Sīr al-asrār", in W. F. Ryan, C. B. Schmitt (eds.), *Pseudo-Aristotle, The secret of secrets: Sources and influences*. The Warburg Institute, 3–33.
- Hoccleve, T. (1999) *The regiment of princes*, C.R. Blyth (ed.). Medieval Institute Publications.
- Manzalaoui, M. A. (1974) "The pseudo-Aristotelian Kitāb Sīr al-asrār: Facts and problems". *Oriens*, 23/24, 147–257.
- Ryan, W.F., Taube, M. (2019) *The Secret of Secrets: The East Slavic Version. Introduction, Text, Annotated Translation, and Slavic Index*. London: The Warburg Institute.
- Ryan, W.F. (1991) «Poisons and the virtues of stones in the Old Russian Secretum secretorum», in B.G. Rosenthal (ed.) *The occult in Russian and Soviet culture*. Cornell University Press, 46–54.
- Sivonen, M. (2018) *The Doxa in Paul. A Narrative Approach to the Vindication of Glory through Christ*. Helsinki.
- Chantraine, P. (1968) *Dictionnaire étymologique de la langue grecque: Histoire des mots* (Vol. 1). Paris: Éditions Klincksieck.
- Van Bladel, K. (2009) *The Arabic Hermes: From pagan sage to prophet of science*. Oxford University Press.
- Weinfeld, M. (1995) "דִּבְרֵי" in G. J. Botterweck, H. Ringgren, H.-J. Fabry (eds.), D.E. Green (transl.) *Theological Dictionary of the Old Testament*, Vol. 7. Michigan: Eerdmans, 22–38.
- Wilke, A (2010) "Ehre / Herrlichkeit". *WiBiLex* [Электронное издание] <https://bibelwissenschaft.de/stichwort/16932/>
- Williams, J.S. (1994) "Roger Bacon and His Edition of the Pseudo-Aristotelian Secretum secretorum", *Speculum* 69 (1), 57–73.
- Williams, J.S. (2003) *The Secret of Secrets: The Scholarly Career of a Pseudo-Aristotelian Text in the Latin Middle Ages*. Ann Arbor: The University of Michigan Press.
- Williams, S. (2015) "Two Independent Textual Traditions? The Pseudo-Aristotelian Secret of Secrets and the Alexander Legend", in C. Gaullier-Bougassas, M. Bridges, J.-Y. Tilliette, eds. *Trajectoires européennes du 'Secretum secretorum' du Pseudo-Aristote (XIIIe-XVIe siècle)* Turnhout, Brepols, 27–56.
- Williams, J.S. (2022) "The Pseudo-Aristotelian Secret of Secrets as a Mirror of Princes:

A Cautionary Tale”, in Noëlle-Laetitia Perret and Stéphane Péquignot, eds. *A Critical Companion to the 'Mirrors for Princes' Literature*. (Reading Medieval Sources 7.) Leiden: Brill, 376–402.

Zuwiyya, Z. D., ed. (2011) *A companion to Alexander literature in the Middle Ages*. Leiden: Brill.

References in Russian:

- Bulanin, D. M., trans. and comm. (1984). “Taynaya Taynykh” [*The Secret of Secrets*], in L.A. Dmitriev, D.S. Likhachev (eds.) *Pamiatniki literatury Drevnei Rusi. Vol. 6: Konets XV – pervaiia polovina XVI veka* [Monuments of Old Russian Literature. Vol. 6: End of the 15th – first half of the 16th century] Moscow: Khud. Lit, 536–591.
- Bulanin, D. (1991) *Antique traditions in ancient Russian literature of the 15th–16th cent.* München: Verlag Otto Sagner (=Slavistische Beiträge, Bd 278)
- Bulanin, D. (2021) “The First Experiments in the Genre of “Princely Mirror”” *Paleorosia. Ancient Rus’ in time, in personalities, in ideas* 3(15), 94–112.
- Gerasimova, I. A., Mil’kov, V. V., Simonov, R. A. (2015). *Sokrovennye znaniya Drevney Rusi* [Secret knowledge of Ancient Rus’]. Moscow: KNORUS.
- Lurie, Y. S. (1960) *Ideologicheskaya bor’ba v russkoi publitsistike kontsa XV - nachala XVI veka* [Ideological struggle in Russian publicistics of the late 15th - early 16th century]. Academy of Sciences of the USSR.
- Schmidt, A. N. (1958). «*Materialy po istorii Srednei Azii i Irana*» [Materials on the History of Central Asia and Iran], in *Uchenye zapiski Instituta vostokovedeniya*. Vol. 16. Moscow–Leningrad.
- Speranskii, M.N. (1908). *Iz istorii otrechennykh knig. IV. Aristotelevy vrata ili Taynaya Taynykh* [From the History of Rejected Books. IV. The Gates of Aristotle or The Secret of Secrets]. Pamiatniki drevnei pis’mennosti i iskusstva 171. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences Press.
- Yurganov, A. L., Danilevskii, I. N. (1998). ““Pravda” i “vera” russkogo srednevekov’ia” [“Truth” and “faith” in Russian medieval culture], in A. Gurevich (ed.) *Odyseus: Man in history. Cultural history of the social*. Moscow, 144–170.